

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 17–24. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 17–24. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.31)''1960/1980''

EDN SVPRQL

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-17-24>

ОБЛАСТНАЯ ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ И ОБКОМ КПСС КАК ИНСТИТУТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПОЗДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (на материале Верхневолжских областей)

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В статье анализируются социальные характеристики ключевых региональных структур партийной власти, особенности их состава. В центре исследования находятся партийные институты региональной власти в позднем СССР: областная партийная конференция, обком КПСС, бюро обкома КПСС. Значительное внимание в статье уделено историографии вопроса о региональной власти в СССР. Методологический каркас исследования составили институциональный подход, сочетание источниковедческого анализа и парадигмы устной истории, принципы историзма и системности. Теоретическая основа статьи базируется на сетевом подходе к институтам власти (идеи А.Б. Коновалова, В.П. Мохова, О.В. Хлевнюка, Й. Горлицкого). Центральным концептом исследования является понятие «региональная руководящая сеть». Вспомогательный характер носит «теория административного рынка» С.Г. Кордонского. Основу корпуса источников статьи составил неопубликованный материал региональных архивов (Владимира, Иванова, Костромы, Ярославля). Значимая часть источников – свидетельства устной истории: полуструктурированные интервью, проведенные лично автором. В статье делается вывод, что в региональных партийных институтах власти нарастали противоречивые тенденции. Отмечается, что имело место активное включение в региональные органы власти широких слоев населения, основанное на ценностях советской демократии. Однако фактическое принятие решений находилось в руках узкой группы партноменклатуры во главе с первым секретарем регионального партийного комитета. Подчеркивается, что реальным институциональным центром принятия управленческих решений на региональном уровне власти в СССР было Бюро обкома КПСС. Констатируется общий рост образовательного уровня делегатов партийной конференции и членов обкома КПСС.

Ключевые слова: СССР, Верхневолжские области, институциональный подход, обком КПСС, областная партийная конференция, первый секретарь, устная история, региональная власть, партийная номенклатура.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Областная партконференция и обком КПСС как институты региональной власти поздней советской эпохи (на материале Верхневолжских областей) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 17–24. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-17-24>

Research Article

COMMUNIST PARTY'S REGIONAL CONFERENCE AND REGIONAL COMMITTEE AS INSTITUTIONS OF REGIONAL POWER OF THE LATE SOVIET ERA (based on the material of the Upper Volga regions)

Yury S. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article analyses the social characteristics of key regional structures of the Communist Party power and the features of their composition. The study focuses on the Party institutions of regional power in the late USSR: the regional Party conference, the regional committee of the Party, the bureau of the regional committee of the Party. Considerable attention is paid in the article to the historiography of the issue of regional power in the USSR. The methodological framework of the study consisted of an institutional approach, a combination of source analysis and the oral history paradigm, the principles of historicism and systematicity. The theoretical basis of the article is based on the network approach to institutions of power (ideas of Aleksandr Konovalov, Viktor Mokhov, Oleg Khlevniuk, Yoram Gorlizki). The central concept of the study is the concept of “regional leadership network”. The “administrative market theory” is of an auxiliary nature. According to Simon Kordonskiy. The basis of the corpus of sources for the article was unpublished material from archives of Russia's regions (Vladimir, Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl). A significant part of the sources consisted of oral history evidence – semi-

structured interviews conducted personally by the author. The article concludes that contradictory trends had been growing in regional Party institutions of power. It is noted that there was an active inclusion of broad sections of the population in regional authorities, based on the values of Soviet democracy. However, actual decision-making was in the hands of the Party nomenclature clique, headed by the first secretary of the regional Party committee. It is emphasised that the real institutional centre for making management decisions at the regional level of government in the USSR was the Bureau of the Regional Committee of the Communist Party. A general increase in the educational level of the Party conference delegates and members of the regional committee of the Party is noted.

Keywords: USSR, Upper Volga regions, institutional approach, Communist Party regional committee, regional Party conference, first secretary, oral history, regional authorities, Communist Party officials' nomenclature.

For citation: Nikiforov Yu.S. Communist Party's regional conference and regional committee as institutions of regional power of the late Soviet era (based on the material of the Upper Volga regions). *Vestnik of Kostroma State University*, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 17–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-17-24>

Для обозначения совокупности структур региональной власти в СССР нередко используется устоявшееся в историографии понятие «региональная руководящая сеть» [Хлевнюк; Gorlizki, Khlevniuk], которое продуктивно и достаточно нейтрально с терминологической точки зрения. Под этим термином вслед за О.В. Хлевнюком понимаются «группы партийно-государственных чиновников (руководящих сетей), осуществлявших функции управления на областном (краевом) и в меньшей мере республиканском уровне» [Хлевнюк: 32]. Понятие «сеть» активно использует и пермский исследователь В.П. Мохов: «...структура взаимоотношений внутри системы номенклатур... напоминает многослойную, многомерную сеть, сходящуюся в руках политического Центра – Политбюро ЦК КПСС» [Мохов: 110].

Руководящая сеть на региональном уровне включала в себя: первого секретаря регионального парткома, второго секретаря, третьего секретаря (как правило, «по идеологии»), председателя облисполкома [Хромов: 184]. При этом с точки зрения властной иерархии, по оценке О.В. Хлевнюка, «первый секретарь был важным, можно сказать, ключевым элементом региональной системы власти. Его личные качества, взаимоотношения с Центром и региональным «активом» во многом определяли качество сетей и уровень их устойчивости» [Хлевнюк: 46]. В свою очередь, костромской историк А.М. Белов указывал, что «первый секретарь обкома обладал огромной властью в регионе, имел возможность руководить решением политических, экономических, социальных, культурных и других вопросов» [Белов: 209]. Челябинский исследователь Р.Ш. Хакимов совершенно справедливо отмечал, что «при формальном существовании органов законодательной и исполнительной власти... фактическая власть принадлежала партийным комитетам» [Хакимов: 4]. Действительно, партийная структура власти четко кристаллизуется по уровням: ЦК КПСС – на центральном, обком – на региональном, райком – на местном. По словам В.А. Шестакова, «складывается стройная система власти, стержнем которой является партийная вер-

тикаль: обкомы-райкомы-парткомы-КПСС с четко разделенными полномочиями...» [Шестаков: 122].

Рациональное зерно содержит и оригинальная «теория административного рынка» С.Г. Кордонского, согласно которой на уровне области (края) присутствовало 4 ветви власти: административная, политического руководства, представительская, контрольная [Кордонский: 41].

В настоящей статье с опорой на институциональный подход [Лубский; Луман; Норт] предпринята попытка осветить некоторые особенности таких значимых институтов региональной власти, как областная партийная конференция и обком партии. С точки зрения В.П. Мохова, в СССР существовали реальные и формальные элиты. К формальным элитам, по его мнению, относились «члены выборных органов (партийных, советских, общественных), чья роль состояла фактически в одобрении заранее разработанных решений, в высказывании реальной элите просьб, заявок, претензий» [Мохов: 47]. Этот тезис пермского исследователя применим и на региональном уровне власти. К 1970-м гг. советская политическая система [Сунгуров] становится достаточно устойчивой. Поэтому анализ комплекса делопроизводственных партийных документов 1970-х гг. в фондах региональных архивов представляется вполне корректным.

Для решения поставленной задачи был проанализирован кластер источников из региональных архивов: Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО), Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО), Государственный архив новейшей истории Костромской области (далее – ГАНИКО), Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦДНИЯО). Корпус источников включает в себя официальные постановления и протоколы¹, информации², направляемые региональными парткомами в Центр. Эти документы позволяют оценить состав таких региональных институтов власти, как областная отчетно-выборная партийная конференция и обком КПСС. Значимый источник для анализа структуры региональной власти – «Номенклатура должностей обкома КПСС». Один из таких документов, да-

тируемый 1976 г.³, позволил детально представить иерархию региональной номенклатуры к середине 1970-х гг. Вспомогательную роль играют свидетельства устной истории – лично проведенные неформализованные интервью с представителями региональной власти СССР 1960–80-х гг., которые были позднее опубликованы в качестве приложения в монографии [Никифоров 2021: 179–241].

Обратим внимание на функционал областной партийной конференции. Так, в структуре постановления XVII Владимирской партийной конференции от 22 декабря 1978 г.⁴ можно выделить существенные разделы, посвященные руководству промышленностью, транспортом и связью⁵. Постановляющая часть документа, касающаяся сельского хозяйства региона, тесно связана с отсылками к постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему развитию Нечерноземья»⁶. Чуть меньшее внимание уделяется работе партийных органов в области народного образования, здравоохранения и торгово-бытового обслуживания⁷. Существенный блок постановления занимают вопросы, связанные с необходимостью улучшения идеологической и организационно-партийной работы⁸. Резюмирующая часть постановления во многом ритуальна [Юрчак: 29–90] и обращена к Центру: «...партийная конференция заверяет ЦК в... выполнении решений 25 съезда КПСС»⁹.

Партийная конференция, по оценке С.Г. Кордонского, была «стратегически наиболее важным координирующим органом управления... определявшая состав партийного комитета и решавшая задачи, которые не могли быть поставлены в рамках текущей деятельности системы управления» [Кордонский: 44]. С мнением исследователя трудно не согласиться. Именно партконференция формально создавала реальную вертикаль органов власти в виде регионального партийного комитета (обкома КПСС) посредством демократической процедуры. В.В. Величко, который в советскую эпоху был помощником секретаря Ярославского обкома КПСС, в интервью указывал на формализованный характер мероприятия: «Все было заформализовано... После каждой конференции намечался план мероприятий по реализации прозвучавших предложений. Также обязательным был контроль за исполнением решений» [Никифоров: 187]. Архивные документы полностью подтверждают мнение интервьюируемого. Так, в протоколе XIV Владимирской областной партийной конференции были в строгой последовательности прописаны избрание руководящих органов, президиума, секретариата, мандатной комиссии, утверждение регламента¹⁰, формирование счетной комиссии из 15 человек, утверждение проекта постановления в итоговой части, нередко с грифом «секретно»¹¹. При этом главной особенностью советской демократии, по мнению

нескольких интервьюируемых, был принцип демократического централизма [Никифоров: 199, 235]. Он предусматривал строгое, дисциплинированное выполнение всеми членами партийного собрания централизованного решения, принятого ранее по какому-либо вопросу.

Архивный документ за 1971 г. «Письма и информации в ЦК КПСС по вопросам организационно-партийной и идеологической работы, государственного, хозяйственного и культурного строительства», отложившийся в ГАИО, в фонде Ивановского обкома КПСС, включает емкую «справку о партийной конференции», составленную по стандартной форме¹². Информация о проведении XXII Ивановской областной отчетно-выборной партийной конференции от 5 февраля 1971 г., на которой с отчетным докладом выступил первый секретарь Ивановского обкома КПСС А.Н. Смирнов¹³, дает представление о некоторых базисных сторонах этого мероприятия. Источник позволил оценить численность, социальные характеристики и функционал участников партийного форума. Из документа явно видны некоторые количественные параметры этой региональной структуры в 1971 г. В состав конференции было избрано 627 делегатов, из которых 603 были с правом решающего голоса, а 24 – с правом совещательного голоса. На ключевом региональном партийном мероприятии присутствовало подавляющее большинство избранных делегатов (602): 580 – с решающим голосом; 22 – с совещательным голосом. Конечно же, при таком раскладе о проблеме с кворумом говорить не приходилось. Однако все-таки стопроцентной явки не было. Отсутствии незначительного (в общей пропорции) числа делегатов с решающим голосом (23), вероятно, можно объяснить служебными командировками, состоянием здоровья и другими стандартными причинами.

Чуть более любопытны «ножницы» между числом лиц, которые записались для выступления в прениях и докладах (23), и количеством персон, которые реально выступили (11)¹⁴. На первый взгляд, это может вызвать некоторое удивление. Так, В.В. Величко, рассказывая об особенностях проведения региональной партконференции, в интервью отмечал, что «у каждого присутствующего была возможность выступить, задать вопрос, подать записку в президиум» [Никифоров 2021: 187]. Вероятное объяснение подобной разницы между потенциальными и реальными спикерами – банальный недостаток времени на партконференции.

Наибольший интерес в документе вызывают данные, представленные ниже в таблице. Они касаются демографических, профессиональных и образовательных характеристик членов Ивановского областного партийного комитета, избранного 8 февраля 1971 г.

Состав Ивановского областного партийного комитета (1971 г.)¹⁵

Категории	Члены партийного комитета	Кандидаты	Члены ревизионной комиссии
Всего	107	31	15
Не входили ранее в прежний состав	26	17	4
Женщины	20	15	4
По роду занятий:			
Рабочие	16	9	2
В т. ч. рабочие совхозов	3	3	–
Колхозников (без специалистов сельского хозяйства)	4	4	1
В том числе председателей колхозов	3	1	–
Руководителей предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства	3	2	–
Директоров совхозов	3	1	–
Инженерно-технических работников	1	1	–
Агрономов, зоотехников и других специалистов сельского хозяйства	–	2	–
Партийных работников	42	4	3
Работников советских учреждений	14	4	4
Военных	2	1	–
Остальных	17	1	4
По образованию			
С высшим	78	13	10
С незаконченным высшим	4	2	2
Со средним	13	12	–
С неполным средним	11	4	3
С начальным	1	–	–

Строка таблицы с заголовком «не входили ранее в прежний состав» свидетельствовала об определенной ротации кадров (почти 25 %). Следует сказать, что § 25 Устава КПСС, принятого при Н.С. Хрущеве на XXII съезде КПСС, предусматривал обязательное обновление обкома «на одну треть на каждых очередных выборах»¹⁶. Однако документ и сама конференция относятся уже к более позднему периоду, когда данная норма перестала быть обязательной. Тем не менее немаловажно, что по крайней мере в отдельных случаях весьма формальная ротация партийных кадров на нижнем региональном уровне имела место. Собственно, эту тенденцию и отражает наглядно данная графа.

Отметим немалую долю женщин в составе обкома партии (чуть более 20 %). Относительно представительства женщин в органах региональной и местной власти имеются свидетельства устной истории, отражающие целенаправленную линию Москвы в этом русле. В интервью помощник первого секретаря Ярославского обкома КПСС В.В. Величко по этому поводу отмечал: «...была установка ЦК партии: среди секретарей райкомов, горкома, обкома КПСС должна была быть женщина» [Никифоров: 180]. Здесь умест-

но вспомнить и о том, что в 1970–80-е гг. депутатами Верховного совета СССР от Ивановской области были знаменитые ткачихи, героини Социалистического труда – В.Н. Голубева и З.П. Пухова¹⁷, последняя была председателем Ивановского облисполкома и главой Комитета советских женщин¹⁸.

Обратив внимание на графу «род занятий», нетрудно заметить, что более половины (56 человек) численности Ивановского обкома КПСС составила бюрократия – аппарат: партийный (42 человека) и советский (14 человек). Примечательно, что представители непосредственно производственного социума составляли меньшинство. Рабочих в обкоме КПСС было 16 человек, а колхозников лишь 4 человека, из которых 3 были председателями колхозов¹⁹, то есть они достаточно номинально представляли простой трудовой народ.

Данные архивных документов за 1978 г. из Костромской области (справка «О партийной прослойке среди рабочих и служащих по министерствам в областной партийной организации») свидетельствовали о том, что, несмотря на прилагаемые усилия, процент коммунистов в реальном производственном секторе, в среде рабочего класса, а также в сфере в здравоохра-

нения был невелик. Так, на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве и в сфере услуг процент членов КПСС колебался от 8–9 % (в здравоохранении, сельском строительстве) до 16–17 % (в автомобильной и авиационной промышленности); максимум был в электротехнической отрасли промышленности (21 %). Напротив, процент коммунистов возрастал в непроизводственном секторе: в организациях, подведомственных МВД, высшего и среднего специального образования (23–24 %). Наиболее значительной была доля коммунистов в юстиции и судебных органах (по 33 %), прокуратуре (41 %), Госплане и плановых органах местных советов (48 %), Комитете народного контроля и Госкомитете по ТВ и радиовещанию (68–69 %) ²⁰. Эти цифры, конечно же, явно резонировали с официальными установками о КПСС как партии рабочего класса. В интервью представителей региональной власти указывалось, что власть стремилась к искусственному повышению доли рабочих в партии: «Интересными были нормы приема в КПСС: как правило, 3 рабочих на 1 инженерно-технического работника или интеллигента, поскольку КПСС позиционировала себя как партия рабочего класса» [Никифоров: 179–180]. В литературе высказывается мнение, что такой подход возобладал при И.В. Капитонове как руководителе отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС: «При И.В. Капитонове стали вводиться квоты на прием в КПСС рабочих, крестьян, интеллигенции, формализовалась работа партийных организаций. Под влиянием отдела, которым он руководил, формировалась структура партии, происходило превращение партийных комитетов в жесткий механизм, задавался тон и настрой всей работе КПСС» [Зенькович]. Несмотря на подобные установки и практику выдвижения рабочих, самый верхний уровень региональной власти, который принимал реальные управленческие решения, был несколько в стороне от этой официальной линии. Показательно, что в Бюро Ивановского областного партийного комитета (14 человек), избранного на анализируемой партийной конференции, не вошел ни один представитель ни от рабочего класса, ни от колхозников ²¹. В состав Бюро обкома партии, по оценке С.Г. Кордонского, «входили секретари обкома, некоторые заведующие отделами, руководители представительской ветви, комитета народного контроля, руководители главков или особо крупных предприятий союзного и республиканского подчинений» [Кордонский: 44]. Данные устной истории уточняют «Список Кордонского». Так, статусный интервьюируемый – первый секретарь Ярославского обкома КПСС (1986–1990) И.А. Толстоухов – отмечал, что в 1970-х гг. – 1980-х гг. в Бюро обкома КПСС входили и другие значимые фигуры – глава областного управления КГБ [Никифоров: 227].

В отношении членства в бюро обкома, по мнению О.В. Хлевнюка, «нередко действовали правила «номенклатурного местничества». Среди чиновников, равных по положению, преимущественное право на членство в бюро имел тот, кто дольше служил в своей должности» [Хлевнюк: 38].

Строка «образование» в анализируемой таблице демонстрирует, что подавляющее большинство избранных членов Ивановского обкома КПСС имели высшее образование. Это наблюдение вполне соответствует как общей тенденции роста образованности советского общества ²² и числа высших учебных заведений, увеличения влияния университетской системы [Бокарев: 142], так и развитию частной линии. Последняя была связана с установкой власти на рост квалификации, компетентности руководящих кадров в регионах и наметилась еще в период позднего сталинизма [Коновалов: 27–28]. Характерный штрих, отражающий эту тенденцию в кадровой политике позднего сталинизма, являет собой постановление Политбюро «О первом секретаре Костромского обкома ВКП(б)» от 4 декабря 1946 г. В этом документе отмечалось: «В связи с отсутствием необходимой общеобразовательной подготовки... освободить т. Кондакова А.А. от работы первого секретаря Костромского обкома ВКП(б) и направить его на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б)» [ЦК ВКП(б): 134].

В 1950–80-е гг., по оценке В.А. Золотова, «была создана довольно стройная система партийных учебных заведений, включавшая в себя Высшую партийную школу при ЦК КПСС, республиканские, областные и краевые партийные школы, курсы переподготовки при ВПШ и при местных партийных школах, Академию общественных наук при ЦК КПСС» [Золотов: 27]. Интервью и мемуары представителей региональной власти свидетельствуют о значимости этих образовательных учреждений как лифтов социальной мобильности. Так, об учебе в Высшей партийной школе (далее – ВПШ) как важном этапе партийной карьеры подробно рассказывал Ф.И. Лощенков, первый секретарь Ярославского обкома КПСС [Лощенков: 31–33]. Опытный партийный работник 1970–80-х гг. В.В. Величко, отвечая в интервью на вопрос относительно каналов социальной мобильности, указывал на значимость Академии общественных наук (далее – АОН) при ЦК КПСС: «Учиться в ней было очень престижно, ее выпускников готовили для работы в ЦК» [Никифоров: 186]. Возвращаясь к исследуемому периоду, приведем мнение авторитетного историка А.Б. Коновалова о динамике уровня образования региональной партийной номенклатуры: «К середине 1970-х гг... значительно увеличилась прослойка лиц с высшим образованием. В группе секретарей райкомов и горкомов она стала составлять 100 %» [Коновалов: 53].

Продолжая тезис А.Б. Коновалова, отмечу также появление в институтах региональной власти и руководящих кадров с учеными степенями. Применительно к обкому КПСС лица, имеющие ученую степень и/или звание, конечно же, не были массовым явлением, но не были и редкостью. Достаточно вспомнить, что обладателями ученых степеней были такие статусные персоны, как Ю.Н. Баландин и Л.Я. Флорентьев – первые секретари Костромского обкома КПСС.

Л.Я. Флорентьев, министр сельского хозяйства РСФСР (1965–1983), партийный лидер Костромской области в 1956–1965 гг., имел ученую степень доктора экономических наук, а также длительный опыт работы в высшей школе (Горьковская высшая сельскохозяйственная коммунистическая школа) [Белов; Горячев]. Ю.Н. Баландин, который возглавлял Костромскую областную парторганизацию в 1971–1986 гг., был ученым, агрономом-экономистом²³, «успешно защитившим диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук» [Белов: 209].

Нетрудно заметить, что чаще всего люди с учеными степенями появлялись в обкоме КПСС транзитом из учреждений высшего образования или науки (или, по крайней мере, пребывая в этой сфере какое-то время). Помимо указанных Ю.Н. Баландина и Л.Я. Флорентьева, классический пример такого транзита кадров представляет собой Н.П. Воронин [Никифоров 2021: 189–196] – кандидат психологических наук, профессор, который во второй половине 1980-х гг. перешел в обком КПСС на должность секретаря по идеологии с поста ректора Ярославского педагогического института им. К.Д. Ушинского [Ермаков]. Однако были и другие форматы. Для некоторых представителей партийного и советского аппарата местом подготовки кандидатской диссертации стала аспирантура Академии общественных наук при ЦК КПСС. Подобную ситуацию описал в интервью представитель советского аппарата С.Н. Овчинников, защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук, детально обрисовав динамику личной инициативы: «Вспоминается, что на областной партийной конференции Ф.И. Лощенков озвучил... 2 члена областной парторганизации учатся в аспирантуре и работают над диссертациями. Мою инициативу об учебе в аспирантуре Академии общественных наук поддержал и Ф.И. Лощенков, и тогдашний ректор ЯГПИ...» [Никифоров 2021: 224]. Вероятно, подобные личные инициативы были выгодны и региональному партийному комитету из соображений престижности и статистической отчетности.

Подводя итоги, отметим, что в региональных партийных институтах власти причудливым образом переплетались две противоречивые тенденции.

С одной стороны, имело место активное участие в органах власти широких слоев населения, основан-

ное на ценностях советской демократии. Проявлением этой тенденции было включение представителей трудящихся, рабочих и крестьянства в структуры региональной власти, а также стремление увеличить долю женщин в общем количестве делегатов областной партийной конференции и обкома КПСС. С другой стороны, фактическое принятие решений находилось в руках непосредственно узкой группы партноменклатуры во главе с первым секретарем регионального парткомитета. Институционально эта тенденция выразилась в функционировании Бюро обкома КПСС, который, в сущности, был главным центром принятия управленческих решений на региональном уровне власти в СССР. Касаясь общих социальных характеристик членов региональных структур власти в 1970-е гг., можно констатировать существенный общий рост образовательного уровня в исследованных областях. В сравнении с ситуацией конца 1940-х – начала 1950-х гг. высшее образование в 1970-е гг. становится нормой для подавляющего большинства членов обкома КПСС.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П-830. Оп. 88. Д. 3; ГАВО. Оп. 73. Д. 1.

² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75; Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. П-765. Оп. 35. Д. 96.

³ Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 272. Оп. 270. Д. 625.

⁴ ГАВО. Ф. П-830. Оп. 88. Д. 3.

⁵ Там же. Л. 8–9.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 12–13.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ ГАВО. Ф. П-830. Оп. 73. Д. 1. Л. 1–5.

¹¹ Там же. Л. 17, Л. 19.

¹² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 25.

¹⁵ Составлено по: ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25–26.

¹⁶ Устав КПСС // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. 1961–1965. Москва, 1986. С. 192.

¹⁷ О З.П. Пуховой см.: Никифоров Ю.С. З.П. Пухова: от ивановской ткачихи до главы Комитета советских женщин // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Междунар. науч. конф.; Кострома, 2023 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Москва, 2023. Ч. 1. С. 311–313.

¹⁸ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7928; ГАИО. Ф. Р-267.

¹⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25–26.

²⁰ ГАНИКО. Ф. П-765. Оп. 35. Д. 96. Л. 2.

²¹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 13. Д. 75. Л. 25–26.

²² См.: Народное образование и культура в СССР: Стат. сб. Москва, 1989. С. 234.

²³ См.: Баландин Ю.Н. Техническое нормирование и организация электротракторных работ: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 1955.

Список литературы

Белов А.М. Руководители Костромской губернии и области 1778–2009 гг. Кострома: КГУ, 2009. 296 с.

Бокарев Ю.П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980. Москва: Наука, 2007. 381 с.

Горячев Ю.В. Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-библиографический справочник. Москва: Граница, 2015. 1006 с.

Ермаков А.М. Ректоры ЯГПУ (1908–2013): очерки. Ярославль: ЯГПУ, 2013. 127 с.

Зенькович Н.А. Самые закрытые люди: Энциклопедия биографий. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 765 с.

Золотов В.А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991). Москва, 2006. 48 с.

Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.

Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. Москва: ОГИ, 2006. 240 с.

Лощенков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль: ЛИЯ, 2000. 79 с.

Лубский А.В. Институциональный подход // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. Москва: Аквилон, 2014. С. 133–135.

Луман Н. Власть. Москва: Практика, 2001. 256 с.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь: Пермское кн. изд-во, 2003. 238 с.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль: ЯГПУ, 2021. 275 с.

Никифоров Ю.С. Региональный аспект исследования трансформации российского общества 1950–1990-х гг. и эволюции экономического устройства: репрезентативность и уникальность Верхневолжских регионов позднего СССР // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 52–60.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Начала, 1997. 180 с.

Размолodin М.Л. Эпизоды из жизни и деятельности Ф.И. Лощенкова (интервью с бывшим первым секретарем Ярославского обкома КПСС). Ярославль: ЛИЯ, 1995. 176 с.

Сунгуров А.Ю. Функции политической системы: от застоя к постперестройке. Санкт-Петербург: Стратегия, 1998. 271 с.

Хакимов Р.Ш. Система привилегий и льгот региональной номенклатуры в советский период: на примере Челябинской области. Челябинск: ЧГУ, 2022. 195 с.

Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.

Хромов Е.А. Региональные элиты в СССР в конце 1950 – середине 1960-х гг. к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 182–188.

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, М.Ю. Прокуменщиков, О.В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2004. 494 с.

Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. Москва: Наука, 2006. 295 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: НЛЮ, 2014. 664 с.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. New Haven, London, Yale University Press, 2020, XII, 445 p.

References

Belov A.M. *Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti 1778–2009* [The leaders of the Kostroma province and the region 1778-2009]. Kostroma, KGU Publ., 2009, 296 p. (In Russ.)

Bokarev Yu.P. *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970–1980* [USSR and the formation of post-industrial society in the West. 1970-1980]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 381 p. (In Russ.)

CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety, 1945–1953 [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and regional party committees, 1945-1953], compiler: V.V. Denisov, M.Y. Prozumenshchikov, O.V. Hlevnyuk. Moscow, Rosspen Publ., 2004, 494 p. (In Russ.)

Ermakov A.M. *Rektory YAGPU (1908–2013): ocherki* [Rectors of YSPU (1908–2013): essays]. Yaroslavl', YAGPU Publ., 2013, 127 p. (In Russ.)

Goryachev Yu.V. *Central'nyj komitet KPSS, VKP(b), RKP(b), RSDRP(b): istoriko-bibliograficheskij spravochnik* [Central Committee of the CPSU, CPSU(b), RCP(b), RSDLP(b): historical and bibliographic reference book]. Moscow, Granica Publ., 2015, 1006 p. (In Russ.)

Hakimov R.SH. *Sistema privilegij i l'got regional'noj nomenklatury v sovetskij period: na primere CHelyabinskoy oblasti* [The system of privileges and benefits of the regional nomenclatura in the Soviet period:

the example of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, CHGU Publ., 2022, 195 p. (In Russ.)

Hlevnyuk O.V. *Regional'naya vlast' v SSSR v konce 1950-h gg. Ustojchivost' i konflikty* [Regional power in the USSR in 1953 – late 1950s. Stability and conflicts]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 2007, No. 3, pp. 31-49. (In Russ.)

Hromov E.A. *Regional'nye elity v SSSR v konce 1950 – seredine 1960-h: k postanovke voprosa* [Regional elites in the USSR in the late 1950s - mid-1960s. to posing the question]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2009, No. 323, pp. 182-188. (In Russ.)

Kononov A.B. *Partijnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945–1991)* [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2006, 635 p. (In Russ.)

Kordonskij S.G. *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of power: Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI Publ., 2006, 240 p. (In Russ.)

Loshchenkov F.I. *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Yaroslavl, LIYA Publ., 2000, 79 p. (In Russ.)

Lubskij A.V. *Institucional'nyj podhod* [Institutional approach]. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminologicheskij slovar'* [Theory and methodology of historical science: terminological dictionary]. Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 133-135. (In Russ.)

Luman N. *Vlast'* [Power]. Moscow, Praxis Publ., 2001, 256 p. (In Russ.)

Mohov V.P. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991)* [Regional political elite of Russia (1945–1991)]. Perm', Permskoe izdatel'stvo Publ., 2003, 238 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950–1980-e gg.)* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980)]. Yaroslavl, YGPU Publ., 2021, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Regional'nyj aspekt issledovaniya transformacii rossijskogo obshchestva 1950–1990-h gg. i evolyucii ekonomicheskogo ustrojstva: reprezentativnost' i unikal'nost' Verhnevolzhskih regionov pozdnego SSSR* [Regional aspect of the study of the transfor-

mation of Russian society in the 1950s–1990s. and the evolution of the economic structure: representativeness and uniqueness of the Upper Volga regions of the late USSR]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2020, No. 2, pp. 52-60. (In Russ.)

Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow, Nachala Publ., 1997, 180 p. (In Russ.)

Razmolodin M.L. *Epizody iz zhizni i deyatel'nosti F.I. Loshchenkova (interv'yu s byvshim pervym sekretarem Yarovskogo obkoma KPSS)* [Episodes from the life and work of F.I. Loschenkov (interview with the former first secretary of the Yaroslavl regional committee of the CPSU)]. Yaroslavl, LIYA Publ., 1995, 176 p. (In Russ.)

Sungurov A.Y. *Funkcii politicheskoy sistemy: ot zastoya k postperestrojke* [Functions of the political system: from stagnation to post-perestroika]. St. Petersburg, Strategiya Publ., 1998, 271 p. (In Russ.)

Shestakov V.A. *Social'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-h* [Socio-economic policy of the Soviet state in the 50s – mid-60s]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 295 p. (In Russ.)

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, NLO Publ., 2014, 664 p. (In Russ.)

Zen'kovich N.A. *Samye zakrytye lyudi* [The most closed people]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002, 765 p. (In Russ.)

Zolotov V.A. *Politicheskaya elita SSSR: social'nyj sostav, obrazovatel'nyj i kul'turnyj uroven' (1953–1991)* [Political elite of the USSR: social composition, educational and cultural level (1953–1991)]. Moscow, 2006, 48 p. (In Russ.)

Gorlizki Y., Khlevniuk O. *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union*. New Haven, London, Yale University Press Publ., 2020, XII, 445 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 15.03.2024.